

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.75>

Юрина Марина Анатольевна

КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНЕ А. М. БИРЮКОВА "СВОБОДА В ШИРОКИХ ПРЕДЕЛАХ, ИЛИ СОВРЕМЕННАЯ АМАЗОНКА"

В статье рассматриваются основные художественные функции интертекста в произведении одного из ведущих представителей русской северо-восточной прозы А. М. Бирюкова, художественные поиски которого почти не изучены в современном литературоведении. Обнаружено, что в романе "Свобода в широких пределах, или Современная амазонка" писатель использует многообразный спектр литературных приёмов, характерных для интертекста: от прямого цитирования до создания метатекстуальных связей. В то же время особое внимание обращено на функциональность таких элементов в произведении прозаика; доказано, что они имеют ведущее смысловое значение, позволяют глубоко осмыслить не только нравственную эволюцию героини романа, но и авторскую концепцию в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/2/75.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 356-359. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

F. I. TYUTCHEV'S AND A. A. FET'S LANDSCAPE LYRIC POETRY IN THE GERMAN ANTHOLOGIES OF THE SECOND HALF OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Steklyannikova Svetlana Yur'evna
Tomsk State University
stekljannik@mail.ru

The article deals with the problem of the translation of the Russian national literary canon to foreign-language cultural environment: representation of the Russian landscape lyric poetry by the example of F. I. Tyutchev's and A. A. Fet's works in the German anthologies of the second half of the XX – the beginning of the XXI century. On the basis of the analysis of works in collections of poems, the author reveals the main features of the anthological reception of F. I. Tyutchev and A. A. Fet, which is conditioned by the German publishers' specific motivation through the lenses of imagological perception, the shift of emphasis from landscape lyric poetry to philosophical one and significant translation transformations.

Key words and phrases: anthology; landscape lyric poetry; Russian poetry; F. I. Tyutchev; A. A. Fet; Russian literary canon; translation.

УДК 82.091

Дата поступления рукописи: 26.12.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.75>

В статье рассматриваются основные художественные функции интертекста в произведении одного из ведущих представителей русской северо-восточной прозы А. М. Бирюкова, художественные поиски которого почти не изучены в современном литературоведении. Обнаружено, что в романе «Свобода в широких пределах, или Современная амазонка» писатель использует многообразный спектр литературных приёмов, характерных для интертекста: от прямого цитирования до создания метатекстуальных связей. В то же время особое внимание обращено на функциональность таких элементов в произведении прозаика; доказано, что они имеют ведущее смысловое значение, позволяют глубоко осмыслить не только нравственную эволюцию героини романа, но и авторскую концепцию в целом.

Ключевые слова и фразы: А. М. Бирюков; литературная традиция; интертекстуальность; постмодерн; метатекст; аллюзия; реминисценция; символика; цитация; контекст; ассоциативность; рефлексия.

Юрина Марина Анатольевна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан
frigg@maglan.ru

**КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНЕ А. М. БИРЮКОВА
«СВОБОДА В ШИРОКИХ ПРЕДЕЛАХ, ИЛИ СОВРЕМЕННАЯ АМАЗОНКА»**

Понятие «интертекст» применимо ко многим произведениям русской новейшей литературы и является важнейшей приметой постмодерна, основанного на переосмыслении предыдущего художественного опыта мировой словесности. Исследователи этого направления представляют текст как «бесконечное поле для игры письма», утверждают, что интертекстуальность «размывает границы текста», поскольку «всякий текст является реакцией на предшествующие тексты» [4, стб. 308]. В то же время это явление не самоценно само по себе, а является ведущим смыслообразующим фактором произведения. Как считает, например, Н. А. Фатеева, «интертекстуальность – это способ создания нового концептуально-авторского текста посредством сложного взаимодействия автора с другими текстами» [10, с. 12].

Постмодернистское переосмысление текстов различных культурных эпох явилось довольно распространенным в отечественном литературном процессе XX – начала XXI века и послужило важнейшей отличительной чертой целого ряда крупных явлений словесности – от прозы В. В. Ерофеева, В. Г. Сорокина, Т. Н. Толстой, В. О. Пелевина до поэзии И. М. Иргеньева, Т. Ю. Кибирова, Д. А. Пригова, Л. С. Рубинштейна. В контексте изучения русского постмодерна рассматривают интертекстуальность произведений названных авторов такие, например, исследователи, как М. Н. Липовецкий [3], М. Н. Эпштейн [11], И. С. Скоропанова [8], Т. Г. Прохорова [6] и другие.

Данное явление не обошло стороной и литературу Крайнего Севера-Востока, в частности творческих опытов такого довольно интересного прозаика, как А. М. Бирюков (1938-2007). Изучением его произведений – как художественных, так и публицистических – занимались исследователи К. Николаев [5], М. Райзман [7] и другие. Рассматривались преимущественно содержательные аспекты прозы автора, некоторые черты его художественного метода, однако работ, посвящённых межтекстовым ассоциациям в его творчестве, не обнаружено. Например, А. Соколянский хотя и отмечает, что произведение А. Бирюкова было «в русле художественных поисков того времени и во многом» ставило «те же проблемы, что и фильмы “Короткие встречи” Киры Муратовой, “Прошу слова” Глеба Панфилова и др.» [9, с. 21], но ничего не говорит о широком литературном контексте произведения и его концептуальности. А между тем интертекстуальность романа явно обозначена, она наблюдается во многих произведениях писателя и очень важна для понимания авторской концепции.

Особенно явственно интертекстуальные параллели проявляются в романе А. М. Бирюкова «Свобода в широких пределах, или Современная амазонка» (1985). При этом в произведении прослеживаются важные особенности постмодернистского художественного мышления, на которые указывают исследователи:

«...размытость смыслов, интеллектуальная перегруженность, бесконечная символизация цитат», что подразумевает их «множественность пониманий» [1, с. 230].

Перед нами произведение сложное, неоднозначное, побуждающее к размышлению. Вся художественная структура романа насыщена широким культурным контекстом, вбирает в себя различные стилевые компоненты. Перед нами поистине метатекст, многомерность которого обусловлена стремлением писателя отразить богатство и неоднозначность как природы главной героини, так и окружающего её мира в целом.

Главным стилеобразующим фактором произведения видится его глубинный психологизм: все средства авторского повествования подчинены задаче раскрыть сложность и противоречивость внутреннего мира главной героини Нины Сергеевны Дергачёвой, коренной северянки, молодой представительницы поколения 60-70-х годов XX века. Хроникальный сюжет вбирает в себя ключевые ступени её нравственного становления и в то же время показывает пути движения героини к духовному и жизненному краху. Правила «амазонок», по которым живёт Нина, – оправдание обыкновенного эгоизма. Она считает себя человеком волевым и независимым, а в итоге попадает в тупик, из которого не видит выхода. И в то же время нельзя не согласиться и с точкой зрения исследователя о том, что автор с большой симпатией относится к своей героине – «любит» и «принимает её со всеми неоднозначными поступками» [9, с. 21]. Он скорбит о её нескладной судьбе, что подчёркивается и кольцевым обрамлением книги, в котором показаны тоскливые, безотрадные ночи и пробуждения внешне благополучной, но одинокой и несчастливой женщины. В начале романа случайная связь Нины с чуждым ей человеком лишь пробуждает подспудную тревогу героини – эту «схваченную цементом неподвижность ног, словно и вправду не вода, а что-то гораздо более вязкое наливалось сейчас в комнату... и напряжённость поднялась выше и остановилась у груди, у испуганно бьющегося сердца...» [2, с. 138]. В финале мотив тревоги, подчёркнутый плачем соседского ребёнка («ребёнок плакал в эти ночи, плакал долго и жалостно») [Там же, с. 479]), дополняется чувством безысходности: «Нет, она не плакала. Но утром было очень трудно встать, влезть в тренировочный костюм и бежать по тёмной или светлой уже (в зависимости от времени года) улице в парк» [Там же].

Важную смысловую нагрузку в романе несёт символика, которая чаще всего выраженный литературный и общекультурный контекст. Одним из ключевых символов произведения является окно: окно в узкое пространство Школьного переулка в начале романа предвещает одиночество героини, некоторую искусственность, «книжность» её представлений о жизни, затем оно «раздается» до границ Магадана, далее – Москвы. И ближе к финалу произведения образ окна появляется вновь – мир Нины Дергачёвой становится снова неуютным, замкнутым, сужается до очертаний маленькой квартиры.

Окно в мир – просторный, необычайно богатый – раскрывается автором многопланово. Границы романа существенно расширяются посредством воссоздания исторического, общекультурного фона изображаемой эпохи. Произведение отражает несколько «слоёв» действительности, из которых складывается жизнь героини – не случайно приводится её размышление о том, что душевный мир – это цепь различных реальностей: «бытовое» существование, любовь, сон, искусство, болезнь [Там же, с. 178-180]... Важнейшим «слоем» внутренней жизни героини является её склонность к «филологическому» мышлению. «Литературное воспитание» Нины Дергачёвой подчёркивается целым спектром упоминаемых в романе имён – от А. Грибоедова, А. Пушкина, П. Мериме до Б. Пастернака, И. Мандельштама, В. Высоцкого, А. Галича, М. Цветаевой, А. Ахматовой, А. Солженицына, Е. Гинзбург.

И свою жизнь героиня выстраивает по неким литературным канонам, всякий раз сопоставляя эпизоды своей судьбы с тематическими линиями прочитанных ею книг. Например, уже в самом начале романа, в эпизоде с «дьявольским соблазном» в виде подвернувшейся под руку бутылки со спиртным, Нина связывает своё пристрастие к горячительному с мотивом смерти у М. Цветаевой («Та же ведьма Цветаева, совсем ещё юная ведьма, и те же кладбищенские настроения... *И пусть тебя не смущает мой голос из-под земли* – из того же стихотворения Цветаевой. Ну если Марина Ивановна советует...») [Там же, с. 208]. Или неожиданную встречу с одним из бывших друзей героиня комментирует, прибегая к цитатам из произведений С. Я. Маршака и А. С. Грибоедова: «*Собирались лодыри на урок, а попали лодыри на каток... Какой каток? Какие лодыри? Да, или вот так тоже хорошо: шёл в комнату – попал в другую.* Тоже на тему о непредвиденных ситуациях» [Там же, с. 284]. Свой путь к «абсолютной» независимости Нина проходит, ориентируясь на знаменитые пушкинские строки: «Дышалось легко и свободно. И всё было прекрасно. *На свете счастья нет, но есть покой и воля* – здорово это было сказано когда-то» [Там же, с. 215].

Героиню посещают и «литературные» сны, в которых она встречается с персонажами известных произведений – вспомним, например, её сон об Андрее Болконском из знаменитой эпопеи Л. Н. Толстого. Своеобразным идеалом для неё является героиня романа Н. Чернышевского «Что делать?» – независимая, самостоятельная Вера Павловна. Любимые произведения – стихи А. Ахматовой и М. Цветаевой. Однако не забывает она и о других писателях, при этом важно, что большей частью предпочтения героини вбирают круг тех авторов, которые в годы социалистического «застоя» считались неблагонадёжными или опальными, что ещё раз подчёркивает оригинальность, незаурядность мышления героини, её стремление к внутренней независимости.

Рефлексия Нины Дергачёвой сверкает россыпью литературных и окололитературных реминисценций, ориентированных на интеллектуального, эрудированного читателя: часто ссылки на автора той или иной цитаты отсутствуют, будь то А. Пушкин, Н. Некрасов или неизвестный сочинитель студенческого фольклора. Многие имена звучат чаще всего в контексте размышлений героини: «И даже несравненная Анна Андреевна не спасала. Да что там Ахматова, когда в висках, кажется, стучали строчки другой волшебницы, ведьмы – Марины Цветаевой: *Отпусти-ка меня конвойный прогуляться до той сосны!*» [Там же, с. 206].

В самом тексте романа цитатный материал оформляется с помощью курсива, что подчёркивает интертекстуальный характер повествования, в котором классика иногда переплетается с современными прозаиками

произведениями. При этом часто одна цитата плавно «переливается» в другую, что приближает фразу, наполненную литературным контекстом, к центону: «И можно представить, что душе тесно... хиреет она в обыденности – душа обязана трудиться и день и ночь не отходя ни шагу прочь... какое низкое коварство!» [Там же, с. 180]; «как родная меня мать провожала тут и вся моя родня набежала... гармошечка с перебором залихватая» [Там же, с. 200] и т.п. «Свободная» игра литературным материалом позволяет автору выстраивать цепь ассоциаций, вплетённых во внутренние монологи героини и в канву событий, что является важнейшим средством психологической характеристики. Не случайно и авторское примечание о том, что «литературные цитаты здесь и далее воспроизведены в том виде, в каком существуют в памяти главной героини» [Там же, с. 140].

Некоторые реминисценции неоднократно повторяются, подчёркивая неизменность литературных пристрастий Нины и в то же время раскрывая её переживания. Так, ахматовские строки «*Чернеет дорога приморского сада желты и свежи фонари я очень спокойная только не надо со мною о нём говорить*» приводятся многократно [Там же, с. 140, 150, 200, 233, 351, 423, 477], всякий раз как бы подводя итоги определённого этапа жизни героини. Так, в первый и последний раз – в начальной и финальной сценах романа – цитации звучат как воспоминания о когда-то живой и страдающей душе героини и в то же время выполняют художественную функцию, служат своеобразным кольцевым обрамлением её судьбы. Представлена эта цитата и в виде колыбельной, убаюкивающей Нину в её младенческие годы [Там же, с. 150]. Строки А. А. Ахматовой возникают в сознании героини и в тот момент, когда она решается на роковой в её жизни шаг – избавляется от зародившейся у её сердца новой жизни [Там же, с. 200].

Литературные цитации (как правило, без указания источника) могут представлять собой определённую «цепь», монтаж, что художественно мотивировано. Например, в начале произведения автор заменяет такой «цепью» рассказ о взрослении Нины: показаны круг чтения девочки («безымянные» цитаты из произведений Маршака, Пушкина, Гарина-Михайловского, Чуковского, Жуковского), интересы юной девушки (главы из учебника по физиологии и научно-популярных книг, строки Ахматовой, Тургенева, Достоевского). Иногда реминисценции раскрывают рефлексивность героини, её склонность к самоанализу и самоиронии («Значит, к первому попавшемуся? Взгляни на меня прохожий? Почти по-цветаевски. Я тоже была, прохожий! Прохожий, останись!») [Там же, с. 237]. В этом контексте они могут приобретать и форму пародий («Читать? Но “что толку жену обмануть, ведь ей же отдашь на расходы” (это из какой-то пародии... однако начинается в соответствии с моментом – “И скучно, и грустно...”») [Там же, с. 235].

Особенно выразительны в контексте произведения аллюзии на булгаковские символические мотивы. Например, сопровождающий всё повествование мотив бега – Нина не мыслит ни дня без пробежек, она мечтает бежать из опустылевшего ей города, бежать от наскучивших ей людей... «Главное – бегать, бегать как можно больше» [Там же, с. 273]. Эта зависимость неоднократно подчёркивается автором и наводит на мысль, что, возможно, то бег героини от самой себя, нравственных вопросов, укоров совести. Мечта о настоящем счастье знаково воплощена в мотиве полёта, явно отсылающем к булгаковскому роману «Мастер и Маргарита». Вспомним, например, горячее чувство Нины к Виктору, её мечту о том, чтобы «этот тихий и плавный, как счастье, полёт длился и длился» [Там же, с. 204], или сон героини, в котором она летит над городом: «...словно плавно, на уровне второго-третьего этажа... И сначала не ясно, как ей это удаётся, – просто летит и всё... Сейчас бы за театром повернуть... а там подрулить к родным окнам, посмотреть, как мамочка поживает...» [Там же, с. 352]. Желание полета окрыляет героиню в лучшие моменты её жизни и позволяет отразить её мечту о независимости от окружающих её условностей, об освобождении от мнимых ценностей и ложных представлений.

Реминисценции в романе А. М. Бирюкова представлены не только в виде цитирования, но и концептуально. Так, уже названный символический мотив полёта дополняется аллюзией на монолог Катерины из «Грозы» А. Островского («А я вот всё думаю – почему птицы не летают?») [Там же, с. 178], чтобы потом перейти к воспоминанию об Анне Карениной. Обе трагические героини могут рассматриваться в контексте намёка на душевную неустроенность Нины, они словно предрекают её будущую жизненную драму.

Можно заметить в произведении и аллюзию на роман И. Гончарова «Обыкновенная история». Само произведение у А. М. Бирюкова не упоминается, однако искушённый читатель заметит некоторое композиционное соответствие романов, схожесть судеб А. Адуева и Н. Дергачёвой: оба едут в столицу испытать судьбу, найти своё место в жизни, обоим постигает разочарование, они возвращаются домой, с тем чтобы снова уехать в «большой мир», сделать прагматичный выбор, поменять высокие устремления и идеалы на карьеру и расчёт. Только А. Адуев у Гончарова преуспевает, даже торжествует, а Нина тихо сходит с ума от безысходности и одиночества. В рассматриваемом контексте роман А. Бирюкова сближается также и с повестью Ю. Трифонова «Обмен».

И совершенно определённо, как уже было указано, проводится в романе параллель с романом М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Она проявляется, кроме названных нами символических мотивов, также в идентичности пророческого сна Нины (о её феерическом и стыдном выступлении на сцене Магаданского Дворца Профсоюзов) и фантастической сцены в цирке у Булгакова. Мистическим образом этот сон приходит и подруге Нины Софьюшке, которая в своём письме прямо указывает на «Мастера и Маргариту» [Там же, с. 360]. С образом Софьюшки ассоциируется и мотив «освобождения» Маргариты, превратившейся в ведьму. Только интерпретируется он А. Бирюковым по-своему – сурово, жёстко: «– Свободна! Свободна! – крикнула во всю ширь ставших громадными лёгких Софьюшка. – Свободна! <...> Соседи обнаружили, что Софьюшка умерла, только в середине дня...» [Там же, с. 470]. Так её смерть как бы предостерегает Нину: полная свобода от всего, «свобода в широких пределах», к которой она так стремится, ассоциируется с пустотой, смертью – духовной и даже физической. Не случайно «уводят» Софьюшку в мир теней независимые и гордые амазонки, увидевшиеся отчаявшейся женщине в её последний одинокий час. В этом аспекте поистине ёмким по звучанию становится и один из эпиграфов к роману, строки Ахматовой:

У кладбища направо пылил пустырь,
 А за ним голубела река.
 Ты сказал мне:
 «Ну что ж, иди в монастырь
 Или замуж за дурака...» [Там же, с. 137].

Присутствуют в книге и реминисценции из творчества Ф. Достоевского. Во-первых, это неоднократно повторяющаяся цитата из повести «Бедные люди» (слова Макара Девушкина «Я с вами уеду, за каретой вашей побегу...») [Там же, с. 154, 192]. В контексте повествования название произведения русского классика приобретает особый смысл: «бедные люди» – это определение становится свойственно почти всем героям романа А. Бирюкова. Во-вторых, очевидна и схожесть образа подруги Нины – Софьюшки с «вечной Сонечкой» из романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Софьюшка все свои душевные силы отдала другим, в сущности, чужим ей людям, мало ценившим её добросердечие. Символичен и преследующий Нину плач ребёнка – плач по утраченной чистоте помывшим, мечте о настоящем счастье. Данный мотив явственно отсылает читателя к знаменитой метафоре Ф. М. Достоевского и указывает на всю степень душевной и духовной катастрофы главной героини.

Таким образом, автор творчески использует различные типы заимствований: ассоциативное, мотивное, структурное, концептуальное. В ходе повествования называется множество имён и книг, что также способствует воссозданию своеобразной интеллектуальной, духовной атмосферы 60-х годов XX века. А. Ремизов, Ф. Сологуб, Н. Гумилёв, А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Окуджава, М. Булгаков – все эти авторы были на слуху, а некоторые только открывались неискущённым читателям поколения «оттепели». К означенному следует добавить и определённый налёт документальности в романе: называются конкретные географические названия и исторические события, достоверно рисуется жизнь Магадана и Москвы 60-х – начала 70-х годов. Называются и комментируются значимые для культурной жизни Северо-Востока имена. Автор приводит сведения, например, о некогда блиставшем в Магадане И. Кохановском, приезжавшем в город В. Высоцком, появлении книги О. Куваева «Территория», репертуаре Магаданского театра, открытиях и творческих планах северных художников И. Васильева и В. Троицкой и т.д. Так возникает просторный контекст эпохи 70-х годов XX века, расширяется не только пространственно-временной диапазон романа, но и его тематика – от собственно личностной, биографической до социально-психологической.

Скрытые и явные реминисценции в произведении представляют собой не собрание отдельных литературных цитат, а определённую систему, особое художественное пространство, играющее важную роль в формировании содержания, равноправное по отношению к другим смыслообразующим факторам. Это позволяет говорить об интертекстуальности и ярко выраженном полифонизме романа, что, наряду с элементами фантастики, символическими мотивами и деталями, ассоциативностью, вводит произведение А. Бирюкова в контекст литературы русского постмодерна.

Список источников

1. **Бессмертная М. С.** Интертекстуальность как способ воплощения художественной концепции личности в повести Д. Ермакова «Дела земные» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч. 2. С. 229-234.
2. **Бирюков А. М.** Свобода в широких пределах, или Современная амазонка: роман, повесть. Магадан: Кн. изд-во, 1990. 478 с.
3. **Липовецкий М. Н.** Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. 317 с.
4. **Литературная энциклопедия терминов и понятий** / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
5. **Николаев К. Б.** Потенциал Севера // Николаев К. Б. Севером овечьими строки: статьи и очерки о творчестве писателей Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1977. 256 с.
6. **Прохорова Т. Г.** Постмодернизм в русской прозе: учеб. пособие. Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. 96 с.
7. **Райзман М. И.** Александр Бирюков. Жизнь и творчество / Сев.-Вост. гос. ун-т. Магадан: Кацубина, 2013. 247 с.
8. **Скоропанова И. С.** Русская постмодернистская литература: учеб. пособие. М.: Наука, 2001. 608 с.
9. **Соколянский А. А.** О художественном методе А. М. Бирюкова // А. Бирюков – журналист, писатель, исследователь: материалы научной конференции 21 октября 2008 г. Магадан: СВГУ, 2009. С. 20-27.
10. **Фатеева Н. А.** Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 12-21.
11. **Эпштейн М. Н.** Постмодерн в русской литературе: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2005. 495 с.

INTERTEXT CONCEPTUALITY IN A. M. BIRYUKOV'S NOVEL "WIDE RANGE FREEDOM, OR A MODERN AMAZON"

Yurina Marina Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 North-Eastern State University, Magadan
 frigg@maglan.ru

The article deals with the main artistic functions of intertext in the work of one of the leading representatives of the Russian north-eastern prose A. M. Biryukov, whose artistic search is almost not studied in modern literary criticism. It has been found out that in the novel "Wide Range Freedom, or a Modern Amazon", the writer uses a diverse range of literary techniques typical of intertext: from direct citation to metatextual relations creation. At the same time, special attention is paid to the functionality of such elements in the writer's work; it is proved that they have a leading semantic meaning, allow deep understanding of not only the heroine's moral evolution in the novel but also the author's conception as a whole.

Key words and phrases: A. M. Biryukov; literary tradition; intertextuality; postmodernity; metatext; allusion; reminiscence; symbolism; citation; context; associativity; reflection.